

— Я сразу же отказал ей. Возможно, из-за слишком сильного эмоционального напряжения я даже произнёс резкие слова, сказав, что, как только ты, Саньлан, вернёшься, я обязательно всё тебе объясню и прогоню этого человека от тебя.

— Возможно, я был слишком безжалостен, и она подумала, что больше не сможет оставаться рядом с тобой, Саньлан, что её мечта о богатстве и роскоши в доме Гуна в конечном итоге окажется пустой и ей ещё придётся отвечать за кражу... В порыве эмоций она вдруг поднялась с пола и бросилась на меня, словно готовая сражаться не на жизнь, а на смерть!

— Я тут же был сбит с ног, ударился головой и весь покрылся кровью!

Говоря это, на лице Сюй Минцзиня читался страх. Призрак, нависший над ним, большей частью своего тела уже превратился в кроваво-красный, его чёрные, как пустота, глазницы почти касались глаз Сюй Минцзиня.

Если бы другие могли видеть эту сцену, они, вероятно, бросились бы бежать. Но единственный, кто мог это видеть, Су Ин, смотрел с блеском в глазах, его взгляд на Сюй Минцзиня становился всё более любопытным.

«Неужели в этом мире любой умерший может стать призраком, или Лань Синь уникальна, или же нужно умереть с глубокой ненавистью... Или, может быть, это как-то связано с самим Сюй Минцзином, который приложил к этому руку?»

Не подозревающий ни о чём Сюй Минцзинь чувствовал, что взгляд Су Ина буквально жжёт его кожу, заставляя сомневаться, не слишком ли правдоподобной оказалась его ложь, что даже тот, кто всегда его недолюбливал, поверил?

С трудом сдерживая дискомфорт, Сюй Минцзинь закончил свою историю:

— Я и так был болен, голова моя была неясна, и, увидев, что она, словно безумная, хочет убить меня, я, собрав последние силы, поднялся с пола и схватил вазу у кровати.

— Возможно, инстинкт самосохранения заставил моё тело проявить скрытые резервы. Когда я пришёл в себя, она уже лежала на полу, а я сам едва держался на ногах, одна нога уже была в мире мёртвых, и я мог только сидеть на полу и звать на помощь, не имея больше сил...

На этом Сюй Минцзинь завершил свою историю, которая имела начало и конец и казалась логичной. Как знатный молодой человек из дома Гуна, тяжело больной, на которого напали в его же комнате, он, защищаясь, убил нападавшего. Кто бы стал его за это осуждать?

По крайней мере, служанки и слуги, выслушавшие его историю, смотрели на молодого господина Минцзиня, чья голова была перевязана, с явным сочувствием и возмущением.

Для них было очевидно, что Лань Синь переступила все границы.

К этому молодому господину Минцзиню, который пережил тюремное заключение, лихорадку и нападение, они не могли не испытывать глубокого сочувствия — неужели его удача действительно настолько плоха, что ему нужно сходить в храм и помолиться?

Сюй Миньюй же погрузился в молчание.

Рассказ Сюй Минцзиня был действительно очень правдоподобен.

Хотя то, что Лань Синь, ключевая фигура, которую он уже решил взять с собой в дом Гуна для расследования, внезапно была убита, вызывало подозрения...

Но все собранные улики указывали на то, что до этого у Сюй Минцзиня и Лань Синь не было никаких контактов, и он не искал встречи с ней, наоборот, это Лань Синь тайно пришла к Сюй Минцзиню. Что произошло между ними, знал только Сюй Минцзинь, и, возможно, всё было именно так, как он сказал: она хотела украсть, была разоблачена, её мечты о богатстве рухнули, и в гневе она напала на него.

...В конце концов, она много лет заботилась о племяннике, который стал наследником дома Гуна, а Сюй Минцзинь — нет. Другие служанки и слуги, возможно, не осмелились бы оскорбить Сюй Минцзиня, но она, которую Саньлан называл тётей Лань Синь, могла иметь определённые психологические преимущества.

К тому же она была низкого происхождения, с узким кругозором. То, что умный человек не сделал бы, глупый мог сделать. Многие громкие дела часто совершаются глупцами.

Все люди в почтовой станции уже были допрошены, и было установлено, что до происшествия не было никаких признаков тщательно спланированной атаки, всё выглядело как внезапная случайность, похожая на многие другие убийства в порыве страсти — это ещё больше соответствовало рассказу Сюй Минцзиня.

Взглянув на лежащего на кровати бледного Сюй Минцзиня и вспомнив слова старого врача: если бы он не оказался на станции, раны молодого господина могли бы не успеть вылечить, Сюй Миньюй наконец отбросил свои подозрения.

«...Его двоюродный брат, вероятно, не был таким жестоким человеком?»

Он не мог поверить, что его двоюродный брат мог убить человека и при этом нанести себе тяжелые раны. Это было бы слишком ужасно.

К тому же теперь, когда Сюй Минцзинь тяжело ранен, если он продолжит настаивать на допросах, это будет слишком агрессивно.

С такими мыслями Сюй Миньюй, всё ещё сомневающийся, решил попрощаться. Перед уходом он успокоил Сюй Минцзиня:

— Ладно, в ближайшие дни ты хорошенько отдохни, не напрягайся. Это дело я возьму на себя...

Сюй Миньюй решил разобраться с этим делом самостоятельно, не сообщая властям. Это был обычный подход для знатных семей.

Самая сложная часть этого дела заключалась в личности Лань Синь, которая имела тесные связи с Саньланом и была тем, кого он хотел взять с собой в дом Гуна. И при этом между Саньланом и Сюй Минцзинем были такие сложные отношения... Сюй Миньюй размышлял.

Если бы дело было передано властям, слухи были бы неизбежны. Возможно, пошли бы разговоры о том, что «Саньлан, не терпящий соперничества, воспользовался болезнью Сюй Минцзиня, чтобы избавиться от человека, который много лет жил его жизнью».

Хотя все знали, что у него не было необходимости избавляться от Сюй Минцзиня, ведь тот не представлял для него угрозы.

Но слухи в этом мире никогда не нуждаются в логике, главное — чтобы они были сенсационными, драматичными и вызвали интерес. Сложная история их происхождения гарантировала, что слухи распространятся очень широко.

Более того, у дома Гуна были политические враги. Если кто-то воспользуется этим делом, то, возможно, Саньлан ещё не успеет официально вернуться в семью, как уже будет облит грязью.

С такими мыслями Сюй Миньюй нашёл решение.

Хотя он ещё не полностью избавился от подозрений в отношении Сюй Минцзиня, но, как говорится, «не стоит бить мышь, чтобы разбить вазу». Сюй Миньюй решил закрыть это дело по версии Сюй Минцзиня, а его последние сомнения, которые не исчезали, можно было проверить позже. В конце концов, у дома Гуна было достаточно возможностей.

И это было именно то, чего хотел Сюй Минцзинь.

— Хорошо, я послушаюсь старшего брата.

Он слабо улыбнулся, понимая, что дело временно закрыто, и его риск не был напрасным.

Хотя он ненавидел существование Су Ина, но вынужден был признать, что именно связь с Су Ин заставила Сюй Миньюя быть осторожным. В противном случае, возможно, он уже сообщил бы властям, и дело дошло бы до суда.

На протяжении всего пути он бесконечно размышлял о том, какую роль Лань Синь играла в тех событиях, и пришёл к выводу, что она была угрозой, которую необходимо устранить, и ни в коем случае нельзя было позволить ей добраться до столицы.

Он думал и думал, но не мог найти безопасного способа.

Он думал о множестве способов тайно убить Лань Синь, но, как бы он ни поступил, если она умрёт, всё равно будут подозревать его. В этом мире даже самые изощрённые методы убийства в конечном итоге могут быть раскрыты, а он не был опытным убийцей. Сюй Минцзинь не был уверен, что сможет убить и замести следы.

А что, если поменять подход? Не думать о том, как убить и скрыть это, а найти законный предлог для убийства Лань Синь, чтобы никто не связывал её смерть с его секретами.

Сменив подход, Сюй Минцзинь почувствовал облегчение.

Ещё он не успел придумать идеальный предлог, как Лань Синь сама пришла к нему. В тот момент Сюй Минцзинь понял, что это был дар небес, и судьба действительно благоволит ему!

Тем не менее Сюй Минцзинь пошёл на немалый риск.

Он придумал правдоподобную причину убийства, но всё равно мог быть заподозрен. Ведь подозрения не нуждаются в логике. Поэтому с этого момента, даже если он будет пьян, даже во сне, он должен помнить — Лань Синь напала первой! Он убил не для того, чтобы скрыть правду, а чтобы защитить себя!

Сюй Минцзинь повторял этот «факт» в уме, словно таким образом мог обмануть себя и других.

— О чём ты думаешь? — раздался голос, прерывая его мысли.

Погружённый в размышления Сюй Минцзинь резко очнулся и увидел, что кто-то оказался у его кровати, наклонившись так, что его лицо почти касалось его собственного.

Сюй Минцзинь испуганно откинулся назад, ударившись головой о спинку кровати, и от боли мгновенно пришёл в себя.

— Ты... Саньлан, что тебе ещё нужно? Разве ты не видишь, что все уже ушли? Почему ты ещё здесь?

— Я хочу послушать ещё историй. — Су Ин наклонил голову.

<http://bllate.org/book/15395/1360048>